

А. П. Алексеева, П. К. Кривошеин

ВОЗРАСТ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Вопрос об ужесточении уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении лиц, достигших семидесятилетнего возраста, на протяжении последних десятилетий все чаще поднимается как представителями российской уголовно-правовой науки, так и законодателем. В качестве примера подобного реформирования уголовного закона приводится Уголовный кодекс Республики Беларусь, в котором совершение преступления в отношении заведомо престарелого лица, достигшего возраста семидесяти лет, является обстоятельством, отягчающим наказание.

Несмотря на имеющиеся в других государствах прецеденты, вряд ли стоит вносить аналогичные изменения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, поскольку предлагаемый квалифицирующий признак «в отношении лица, достигшего семидесятилетнего возраста» фактически не учитывает таких важных показателей, как состояние здоровья потерпевшего, возможность и способность понимать характер и значение совершаемых в отношении потерпевшего действий либо оказывать сопротивление виновному, а лишь констатирует факт достижения потерпевшим определенного возраста, тогда как перечисленные выше особенности могут возникнуть у человека и на более ранних этапах его жизни в зависимости от психофизиологического состояния организма.

Ключевые слова: семидесятилетний возраст потерпевшего, квалифицирующий признак, обстоятельства, отягчающие наказание.

A. P. Alekseeva, P. K. Krivoshein

AGE OF THE VICTIM AS THE CIRCUMSTANCE AGGRAVATING PUNISHMENT

The question of toughening of criminal liability for commission of crimes concerning the persons which have reached seventy-year age for the last decades even more often rises both representatives of the Russian criminal and legal science, and the legislator. The Criminal code of Republic of Belarus in which commission of crime concerning obviously aged person which has reached age of seventy years is the circumstance aggravating punishment is given as an example of similar reforming of the criminal law.

Despite the precedents which are available in other states, it is hardly worth making changes to the existing Criminal Code of the Russian Federation as, the offered qualifying sign «concerning the person which has reached seventy-year age» actually doesn't consider such important indicators as the state of health of the victim, an opportunity and ability to understand character and value of the actions made concerning the victim or to show resistance to the guilty person. This sign only establishes the fact of achievement of certain age by the victim whereas the listed above features can arise at the person and at earlier stages of his life depending on psychophysiological features of an organism.

Key words: the seventy-year age of the victim qualifying the sign, circumstances aggravating punishment.

В российской уголовно-правовой науке на протяжении последних десятилетий все чаще высказываются мысли об ужесточении уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении лиц, достигших семидесятилетнего возраста [1, с. 146]. В связи с этим некоторые авторы приводят опыт других государств: «В уголовном законодательстве отдельных зарубежных стран можно найти примеры выделения лиц преклонного возраста в качестве относительно самостоятельной категории потерпевших. Так, в п. 2 ст. 64 Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплено совершение преступления в отношении заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии. В части 9 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь

определено, что под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста семидесяти лет» [2, с. 342].

Разделяя мысли ученых, законодатели пытаются отразить их в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Так, 30 мая 2017 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был представлен очередной проект Федерального закона №188746-7 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня обстоятельств, отягчающих наказание)» (далее — законопроект) [3]. В нем предлагается отнести к обстоятельствам, отягчающим наказание, «совершение преступления в отношении лица, достигшего семидесятилетнего возраста». Стоит

сказать, что законодатель неоднократно предпринимал попытки внедрить подобный квалифицирующий признак («в отношении лица, достигшего семидесятилетнего возраста») в составы различных преступлений (см. проекты федеральных законов № 436314-6, 458945-6, 465438-6, 465446-6, 465443-6, 471170-6, которые ранее были отклонены Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации).

Возрастные признаки потерпевшего как юридически значимые элементы в действующем уголовном законодательстве не имеют однозначного закрепления, особенно если речь идет о потерпевших пожилого возраста [4, с. 27—29; 5, с. 25, 26]. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» разъяснил, что «к иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее», т. е. отнесение пожилого возраста потерпевшего к обстоятельствам, отягчающим наказание, является правом, а не обязанностью суда.

В настоящее время совершение преступления в отношении пожилых лиц, в том числе «достигших семидесятилетнего возраста», рассматривается как преступление в отношении беззащитного или беспомощного лица, что в силу пункта «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ является обстоятельством, отягчающим наказание, и позволяет индивидуализировать ответственность и наказание. Указанный признак связывает повышенную общественную опасность деяния с особо уязвимым состоянием жертвы преступления, неспособностью в силу физического или психического состояния (болезненное состояние, престарелый возраст, физические недостатки, психическое расстройство и т. п.) защитить себя, оказать активное противодействие преступному посягательству, что осознается и преступно используется виновным при совершении преступления.

Многие преступные деяния совершаются в отношении престарелых граждан. Преступники умышленно выбирают в качестве жертв пенсионеров — представителей наиболее незащищенной и уязвимой социальной группы, делая расчет на слабость и доверчивость престарелых людей, а также на то, что потерпевшие в силу своего возраста не будут обращаться за помощью в правоохранительные органы [6; 7]. Это говорит о циничности данных преступлений и высокой степени деморализации лиц, их совершающих. Кроме того, следует учитывать и тяжесть общественно опасных

последствий таких действий: потерпевшим причиняется серьезный материальный ущерб (эти люди часто относятся к категории малообеспеченных) и значительный моральный вред, поскольку пожилые особенно тяжело переживают случившееся. Указанные обстоятельства свидетельствуют о повышенной общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего. С учетом этого суд при наличии к тому обстоятельств может применить положения пункта «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ и в случае совершения преступления в отношении престарелого лица, младше семидесятилетнего возраста.

В качестве одного из аргументов в свою пользу законодатель приводит статистические сведения Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России): «Назревшую необходимость ужесточения уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении лиц, достигших семидесятилетнего возраста, обуславливает повсеместная и широкая распространенность такого рода преступлений... В отношении граждан пожилого возраста в 2014 г. зафиксировано 121 724 преступления; в 2015 г. общий показатель преступлений вырос почти на 25 % по отношению к прошлому году и составил 151 736 преступлений; в 2016 г. рост преступлений составил 6,5 %. Таким образом, мы видим, что количество преступлений, совершенных в отношении граждан пожилого возраста, из года в год неизменно увеличивается. Принятие данного федерального закона станет превентивной мерой, способствующей снижению уровня преступлений в отношении граждан пожилого возраста» [8; 9].

С представленными цифрами и выводами вряд ли стоит согласиться.

Во-первых, приведенные в пояснительной записке к законопроекту статистические сведения характеризуют потерпевших, достигших к моменту совершения в отношении них преступления, не семидесятилетнего, а шестидесятилетнего возраста. Дело в том, что первичная информация о потерпевших учитывается на основании двух карточек статистического учета: формы № 1 «На выявленное преступление» (при возбуждении уголовного дела) и формы № 5 «О потерпевшем» (после вынесения постановления о признании лица потерпевшим). В этих карточках содержатся четкое распределение всех возможных физических лиц по возрастным группам исходя из следующих параметров. Карточка статистического учета формы № 1 «На выявленное преступление» — новорожденный, малолетний до 14 лет, несовершеннолетний, пожилой (п. 33 карточки). Карточка статистического учета формы № 5 «О потерпевшем» — 0—1 год, 1—13 лет, 14—15 лет,

16—17 лет, 18—24 лет, 25—29 лет, 30—49 лет, 50—54 лет, 55—59 лет, 60 лет и старше (п. 10 карточки). Аналогичным образом учитываются и преступники [10, с. 215—238]. Получается, что ГИАЦ МВД России в реальности не располагает цифрами, способными охарактеризовать потерпевших, достигших семидесятилетнего возраста, поскольку эти сведения не отображаются в документах первичного учета. Соответственно, выводы законодателя о росте виктимизации лиц, достигших семидесятилетнего возраста, являются несоответствующими действительности.

Во-вторых, законодатель не дает никаких комментариев в пояснительной записке к законопроекту относительно того, чем обусловлен выбор возрастной группы лиц старше именно семидесятилетнего возраста. Почему не шестидесяти, как это сделано в документах первичного учета информации о потерпевших? Или шестидесяти пяти летнего возраста? Если обратиться к цифрам исследователей в области медицины, то можно обнаружить, что «в 2013 г. среди всех стран, входящих в ООН, по средней продолжительности жизни своих граждан Россия заняла 129 место из 192 — 66,05 года. Эта цифра в большей мере обусловлена средней продолжительностью жизни женщин — 73 года, поскольку средняя продолжительность жизни российских мужчин составляет 59,1 года» [11]. Таким образом, законодатель, предлагая семидесятилетний порог возраста в анализируемой норме, умышленно лишает большинство российских мужчин уголовно-правовой защиты, что, на наш взгляд, не совсем правильно.

Кроме того, предложенный законопроектом квалифицирующий признак «в отношении лица, достигшего семидесятилетнего возраста» фактически не учитывает таких важных показателей, как состояние здоровья потерпевшего, возможность и способность понимать характер и значение совершаемых в отношении потерпевшего действий либо оказывать сопротивление виновному, а лишь констатирует факт достижения потерпевшим определенного возраста [12], тогда как перечисленные выше особенности могут возникнуть у человека и на более ранних этапах его жизни в зависимости от психофизиологического состояния организма. Полагаем, что установление повышенной ответственности за совершение преступления, исходя лишь из рассматриваемого формального обстоятельства, повлечет нарушение не только принципа равенства всех перед законом, но и принципа вины, в соответствии с которым объективное вменение не допускается. Более удачным было бы использовать и далее существующий сегодня

оценочный признак «беспомощное состояние», не создавая путаницы в этой сфере.

1. Контанистова Л. В. Возраст как юридически значимое свойство личности потерпевшего // Уголовный кодекс Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: сб. статей (к 20-летию принятия). Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С. 143—147.

2. Скрипченко Н. Ю. Возраст потерпевшего как основание дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л. Л. Кругликова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2015. С. 334—342.

3. О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня обстоятельств, отягчающих наказание): законопроект №188746-7 от 30 мая 2017 г. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (дата обращения: 06.09.2017).

4. Лобанова Л. В., Давтян Д. В. Об уголовно-правовом значении престарелого возраста потерпевшего // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 27—30.

5. Долголенко Т. В. Пожилой возраст субъекта преступления и потерпевшего и его влияние на меры уголовно-правового воздействия по УК РФ // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 3 (18). С. 24—27.

6. Анисимова Т. В. Исследование системы ценностей подсудимого как способ объяснения мотивов преступления // Общество и человек. 2011. № 1 (2). С. 12—14.

7. Анисимова Т. В. Назначение ценности аргумента в системе судебной аргументации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / под ред. Т. Ю. Тамерьян. 2008. № 10 С. 78—83.

8. Состояние преступности — январь-декабрь 2014, 2015 и 2016 г. // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 24.09.2017).

9. Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня обстоятельств, отягчающих наказание)» № 188746-7 от 30 мая 2017 г. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (дата обращения: 06.09.2017).

10. Алексеева А. П. Правовая статистика: справ. пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. 380 с.

11. Средняя продолжительность жизни мужчин в России. URL: <https://nmedicine.net> (дата обращения: 06.09.2017).

1. Kontanistova LV Age as a legally significant property of the victim's personality. // The Criminal Code of the Russian Federation: Current Status and Prospects for Development: Sat. articles (to the 20th anniversary of adoption). Orekhovo-Zuevo: State Humanitarian-Technological University, 2016. Pp. 143—147.

2. Skripchenko N. Yu. Age of the victim as the basis for the differentiation of criminal responsibility // Differentiation and individualization of responsibility in the criminal and penal enforcement law: materials of the international. scientific-practical. Conf., dedicated to the 75th birthday of Dr. Jurid. Sci., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation L. L. Kruglikova / ed. V. F. Lapshin. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2015. P. 334—342.

3. On amending Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation (regarding the expansion of the list of circumstances aggravating the punishment): Bill No. 188746-7 of May 30, 2017. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (date of reference: 09.06.2017).

4. Lobanova L. V, Davtyan D. V. About the criminal-legal significance of the elderly age of the victim // Russian Justice. 2010. № 11. P. 27—30.

5. Dolgolenko T. V. The elderly age of the subject of the crime and the victim and its impact on the measures of criminal law influence under the Criminal Code of the Russian Federation. // Siberian Vestnik of Special Education. 2016. No. 3 (18). Pp. 24—27.

6. Anisimova T. V Investigation of the value system of the defendant as a way of explaining the motives of the crime // Society and Man. 2011. № 1 (2). Pp. 12—14.

7. Anisimova, T. V, Appointment of the value argument in the system of judicial argumentation, Actual problems of philology and pedagogical linguistics, Ed. T. Yu. Tamerian. 2008. № 10. Pp. 78—83.

8. The state of crime — January-December 2014, 2015 and 2016 // URL: <https://md.rf> (date of circulation: September 24, 2017).

9. Explanatory note to the draft law «On Amendments to Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation (regarding the expansion of the list of circumstances aggravating punishment)» № 188746-7 of May 30, 2017. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (date of circulation: 06.09.2017).

10. Alekseeva A. P. Legal statistics: reference. allowance. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 380 p.

11. The average life expectancy of men in Russia. URL: <https://nmedicine.net> (date of circulation: 06.09.2017).

12. Alexeev Yu. D., Fedulov OI On the issue of the divergence of biological and passport age // Forensic examination. 2006. № 4. Pp. 37—42.

12. Алексеев Ю. Д., Федулов О. И. К вопросу о расхождении биологического и паспортного возраста // Судебная экспертиза. 2006. № 4. С. 37—42.

© Alekseeva A. P, Krivoshein P. K., 2017

© Алексеева А. П., Кривошеин П. К., 2017